

премьера 1 аудио - 2003 - 16 мая 19
с. 14

Снимаем шляпу?

ИЛЬЯ КУХАРЕНКО

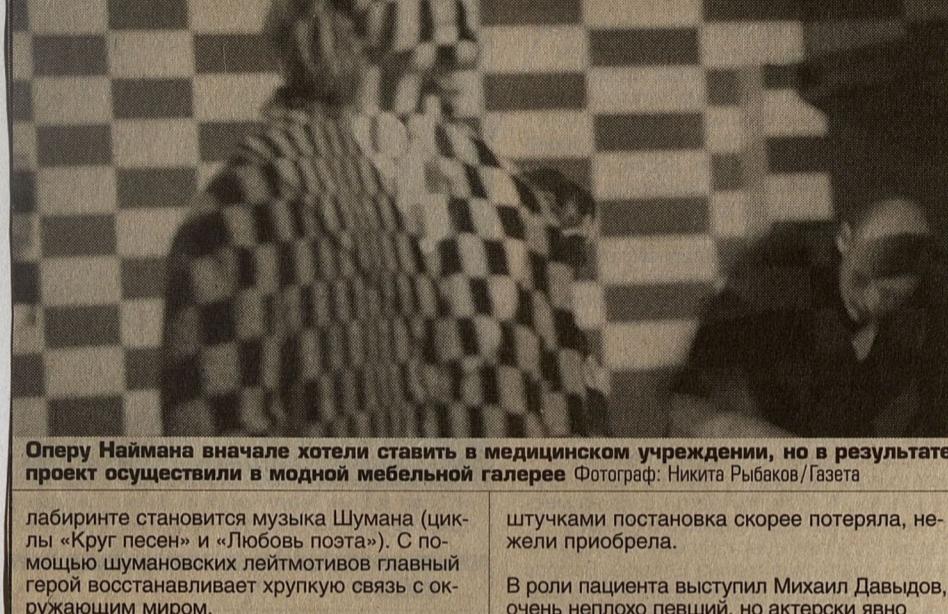
В московской галерее дизайнерской мебели Artplay состоялась российская премьера оперы Майкла Наймана «Человек, который принял свою жену за шляпу» в постановке молодого режиссера Натальи Анастасьевой и художника Анны Колейчук. Сам культовый композитор приехал в столицу — посмотреть, как поставили его медицинскую оперу.

Опера написана на сюжет из вышедшей в 1985 году книги известного американского невролога Оливера Сакса. С точки зрения сюжета она полностью вписывается в гриневскую кинопоэтику с ее пульсирующей и дробной эмблематичностью. Известный певец и его жена обращаются к психиатру, и тот диагностирует с помощью многочисленных тестов прогрессирующую форму аутизма — главный герой постепенно теряет способность опознавать реальные предметы, и единственным маяком в этом темном

минималистским потоком музыки Наймана. Но с точки зрения самого композитора это получается едва ли не подарком судьбы. Такая замена устраивает, видимо, и создателей московского спектакля.

Все коллизии сюжета аккуратно намечены постановщиками — без особенных новаций, но вполне актуальными средствами. Кроме слайдов, применяемых врачом для тестирования, на экранах мелькал сам Найман, кадры из «Повара, вора...» и почему-то из телепередачи «Школа злословия» с Дуней Смирновой и Татьяной Толстой. По сцене расхаживали немые, но играющие на фортепиано Роберт Шуман и его супруга Клара Вик в костюмах XIX века.

Первоначально в качестве помещения планировалось какое-нибудь медицинское учреждение, но в процессе подготовки эта идея оказалась неосуществимой, и проект Маленького мирового театра приоткрыл галерею дизайнерской мебели Artplay. Окруженнная очень эффектными, но бессмыслицами в общем контексте дизайнерскими

Оперу Наймана вначале хотели ставить в медицинском учреждении, но в результате проект осуществили в модной мебельной галерее Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

лабиринте становится музыка Шумана (циклы «Круг песен» и «Любовь поэта»). С помощью шумановских лейтмотивов главный герой восстанавливает хрупкую связь с окружающим миром.

Найман со временем распада тандема с известным кинорежиссером безуспешно пытается срехнуть с себя ярлык композитора для фильмов Гринуэя — очевидно, что и в те времена, когда была написана эта опера, и сейчас он выбирает сюжеты, словно созданные для экранизации именно этим человеком. Но вот парадокс: лишенный характерного визуального ряда, всех этих барочных мерцающих красот, «облизанных» камерой Саша Верни и вставленных Гринуэем в рамочки, квадратики и кружочки, сюжет, обеспеченный только музикальной составляющей, выглядит безжизненным и голым.

Весь часовой спектакль у меня мелькала мысль о том, как скучен должен быть мир человека, в котором все многообразие предметов заменяется дюжиной шумановских песен и бесконечным пульсирующим

штучками постановка скорее потеряла, нежели приобрела.

В роли пациента выступил Михаил Давыдов, очень неплохо певший, но актерски явно недобравший нужного для этой партии «нерва». Короля, как всегда, играли слуги — Юлия Карпачева в роли супруги и спевший невролога Михаил Кузьмин. Их голоса не были столь же эффектны, особенно на верхних нотах, но с театральной точки зрения они куда больше подкупали, чем статичный главный герой в исполнении Давыдова.

Оркестр «Студия новой музыки» во главе с англичанином Дамианом Иорио был, пожалуй, самым слабым местом этого проекта — уж очень дежурно и индифферентно обошлились музыканты с этой партитурой, пульс которой требует явно большей точности и эмоциональной отдачи. Впрочем, это не испортило общего приятно-актуального тонуса проекта, который создал у столичных интеллектуалов примерно такое же ностальгическое впечатление, какое произвела бы на фанатичную модницу шикарная, но безнадежно прошлогодняя шляпа.

26.05.03.

Майкл Найман давно и безуспешно пытается срехнуть с себя ярлык композитора для фильмов Гринуэя Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

62